

— Не лезь, — редко когда Фу Синчэнь проявлял старший братский авторитет, но Мэн Мянью всё же слушалась его.

— Ладно, — надув губы, Мэн Мянью согласилась. — Я закрою дверь на замок.

— Не спорь.

...

Мэн Мянью решила прибегнуть к своему козырю:

— Тан Сун, посмотри на Фу Синчэня! Он умеет лепить цзяоцзы!

Тан Сун, словно через реку Ялуцзян, посмотрел на Фу Синчэня...

— Я вернулся.

— Брат, ты ведь умеешь, — в голосе Тан Суна не было упрёка, но он чувствовал несправедливость. Почему Фу Синчэнь помогает Мэн Мянью, а не ему?

— Ну, немного умею.

— Значит, тебе больше нравится начинка Мэн Мянью.

Тан Сун ничего не сказал, но Фу Синчэнь почувствовал угрызения совести.

— Я виноват.

— Ц-ц-ц, мужские слова.

Фу Синчэнь...

Когда они начали варить цзяоцзы, Тан Сун получил сообщение от Мэн Мянью. Она просила его задержать Фу Синчэня, чтобы тот не ушёл слишком поздно.

На кухне остались только Тан Сун и Фу Синчэнь, занятые готовкой. Тан Сун, бросив взгляд на Фу Синчэня, ответил красавице: [Награду.]

[Если не поможешь, я найду кого-то другого.]

Мэн Мянью обратилась к Тан Суну, потому что заметила, как сильно он привязан к Фу Синчэню,

и поняла, что тому трудно отказать Тан Суну.

[К Лян Иню?]

... Но Тан Сун явно взял Мэн Мянью на слабо.

[Какую награду ты хочешь?]

[Ты и Фан Цинтин живите вместе, присматривай за ней, чтобы она не встречалась с кем-то ночью.]

...

Все братья в мире, кажется, думают одинаково.

Достигнув соглашения с Мэн Мянью, Тан Сун вдруг решил сесть рядом с Фу Синчэнем, несмотря на то, что круглый стол на двенадцать человек едва вмещал всех.

Фу Синчэнь окинул его взглядом:

— Хочешь красный конверт? Зачем ты так близко ко мне?

— Хочу.

...

— Сначала дай мне съесть обещанную монету.

На столе уже лежали три монеты, которые выловили Лян Инь, Хао Доюй и Фан Цинтин. Те, кому повезло, чувствовали себя легко и даже ковыряли в зубах.

Остальные всё ещё пытались. Тан Сун щёлкнул пальцами:

— Легко.

Он встал и начал осматривать каждую тарелку. И Цзялэ насторожился:

— Ты что, не положил туда денег?

— Не волнуйся, я всё вижу.

Тан Сун действительно использовал только глаза, выбрав шесть цзяоцзы и передав их Фу Синчэню:

— Если не умеешь, ешь эти.

Фу Синчэнь уже был сыт, но, взглянув на цзяоцзы, ничего особенного не заметил:

— А если их нет?

— А если есть?

Восемь человек за столом, каждый из которых думал, что сможет съесть по пятьдесят цзяоцзы, уже сдались. Осталось три большие тарелки, и вероятность найти монеты была невелика.

Фу Синчэнь подумал и сказал:

— Если нет, ты что-нибудь сделаешь.

— Встану на руки и буду есть.

...

— Не надо, — Фан Цинтин, ещё не переварившая цзяоцзы, почувствовала тошноту.

Фу Синчэнь хлопнул по столу:

— Решено.

Тан Сун, склонив голову, смотрел на Фу Синчэня, его глаза, наполненные улыбкой, блестели под светом лампы.

Фу Синчэнь словно попал в ловушку.

...

Ах... В безопасных условиях можно слегка нарушать правила дорожного движения, но только слегка и безопасно.

К третьему цзяоцзы Фу Синчэнь всё ещё не нашёл монету, а И Цзялэ уже начал кричать:

— Ешь! Ешь! Ешь!

... Фу Синчэнь...

— Подожди кричать, я уже не могу.

Он откусил половину четвёртого цзяоцзы.

Мэн Мянью, выглянув, сказала:

— Не говори, что не проглотил.

Фу Синчэнь понял: Мэн Мянью, будто под действием какого-то зелья, явно поддерживала Тан Суна.

— Всё ещё нет.

— Вау, я начинаю волноваться, — крикнул Хао Доюй. — Фу, ешь, осталось два.

Тан Сун оставался спокоен:

— Не торопись, если не можешь, можешь просто открыть.

Фу Синчэнь положил палочки:

— Почему ты так уверен?

— Я же сказал, у меня есть свои методы.

Фу Синчэнь посмотрел на два оставшихся цзяоцзы, но ничего особенного не заметил:

— Если проиграешь, не вини меня.

— Хорошо, сначала съешь этот, — указал Тан Сун.

Под всеобщим вниманием, под звуки праздничной песни на новогоднем концерте, Фу Синчэнь столкнулся с последней задачей года. Он взял указанный цзяоцзы, а Мэн Мянью шептала:

— Попади, попади, попади.

Зубы столкнулись с металлом. Остальные, возможно, не услышали, но Фу Синчэнь заметил. Он поднял бровь, проглотил половину цзяоцзы и, под взглядами всех, вытолкнул монету языком, позволив ей упасть в миску.

— Чёрт! Ты гений, Сун, помоги мне выбрать, — сразу же закричал Хао Доюй.

— Ты уже нашёл, Сун, помоги мне, — И Цзялэ протянул свою миску.

— Сегодня мой день рождения, дорогой Сун, помоги мне, — Ся У тоже протянул миску.

Когда нужно, они называют его «дорогой Сун», а когда не нужно — просто Тан Сун. Вот такие они, мужчины.

— Мне всё равно, — Тан Сун был невероятно горд. Он положил руку на плечо Фу Синчэня:

— Я молодец, да?

— Ты такой молодец, где же последняя?

Тан Сун почувствовал, что Фу Синчэнь его подначивает:

— В твоей миске.

— Уверен?

— Ешь или я съем.

— Хорошо, — Фу Синчэнь действительно не мог больше есть.

Тан Сун быстро проглотил последний цзяоцзы в его миске, и, конечно, там была монета.

Тан Сун, держа монету во рту, начал ходить вокруг тех, кто ещё не нашёл свою.

Это вызвало бурю негодования. И Цзялэ и Ся У прижали его к стене, приставив бутылку пива к его подбородку:

— Говори, как ты это сделал, ты что, магнит?

— Это связано с третьим законом Ньютона и теоремой Ферма.

— Не смейся надо мной! — Ся У начал щекотать Тан Суна. — Третий закон Ньютона — это инерция! Говори правду, как ты сжульничал?

— Это мои навыки! — Тан Сун вырвался из их рук, его глаза блестели от слёз смеха, ярче, чем

свет лампы. Фу Синчэнь, в новогоднюю ночь, вспомнил жаркое лето.

Тан Сун спрятался за Фу Синчэнем:

— Всё, что вы сейчас скажете, уже поздно! Пять монет найдены! У вас больше нет шансов!

— Какой наглец, давайте его!

— До смерти! — И Цзялэ схватил оставшуюся муку и бросил её.

— Чёрт! Ты играешь грязно! — Тан Сун, весь в муке, тут же схватил миску.

— Умрём вместе!

Фу Синчэнь, оказавшись в центре, тоже оказался в муке:

— Мука в избытке может взорваться.

...

Тан Сун:

— Брат, ты действительно химик, давай, я сегодня взорву этих ублюдков.

Он бросил муку и спрятался за Фу Синчэнем...

Новогодний концерт каждый год критикуют, говорят, что дух праздника исчез, что шоу неестественны, но дух Нового года не зависит от концерта, он не становится насыщеннее из-за программ.

Ся У чувствовал, что это был его лучший день рождения. Все вокруг были те, кого он любит, а самый любимый был рядом.

Ему не нужно было поднимать тост с лицемерными женщинами за столом, не нужно было играть роль молодого господина. В полночь он задул свечи на торте.

Торт был сделан руками Фан Цинтин, с восемнадцатью свечами. Он не смог задуть все с первого раза, и Фан Цинтин помогла ему:

— С днём рождения, Ся У, в новом году тоже люби меня.

Все подняли шум, кроме Тан Суна. Ему было не по себе:

— Говорит, что я сентиментальный, а сама самая сентиментальная.

— И-и, — протянула Мэн Мянью.

Тан Сун стукнул её по голове банкой:

— После того как перешла реку, сломала мост, не забудь, что обещала.

— Знаю, я надёжная.

Тан Сун успешно задержал Фу Синчэня, и Мэн Мянью была в отличном настроении.

— Надёжная, чёрт возьми, что ты ещё задумала? Тебе что-то нужно?

Мэн Мянью не пила алкоголь, она пила виноградный сок. Она подняла стакан и чокнулась с Тан Суном:

— Нельзя просто поговорить?

— Брось, Лян Инью, правда? Он пригласил тебя смотреть на звёзды или на луну?

— Не выдумывай.

— Брось, ты можешь обмануть брата, но не меня.

— Тогда говори тише, — Мэн Мянью прикусила губу, её лицо покраснело.

Тан Сун мысленно сравнил красавицу и Фу Синчэня. Нос не похож, глаза не похожи, форма лица тоже. Ну, Фу Синчэнь выглядит лучше.

— Вы вдвоём пойдёте?

— Во двор, — Мэн Мянью играла с волосами. — Зачем я тебе отчитываюсь?

— Тогда я пойду к Фу Синчэню.

<http://bllate.org/book/15568/1385556>